

© 2009 г. А.Б. ЛЕТУЧИЙ

ТИПОЛОГИЯ ЛАБИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье предлагается типология лабильных глаголов (т.е. глаголов, способных выступать как переходные или как непереходные без изменения формы). Рассматриваются деривативная, синтаксическая и семантическая классификации лабильных глаголов, и там, где это возможно, формулируются закономерности распределения лабильных глаголов по языкам различных ареалов и отмечается связь лабильности с другими особенностями грамматики языков (в частности, с системой показателей актантной деривации и типом маркирования актантов глагола). Наиболее подробно рассматриваются взаимоотношения лабильных глаголов с показателями каузатива и дскаузатива. Наконец, выдвигается и иллюстрируется примерами гипотеза о функции лабильности в языковой системе: предлагается считать, что лабильность служит для объединения сходных значений в рамках одной глагольной лексемы.

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье излагаются основные параметры типологии лабильных глаголов — глаголов, способных выступать как переходные или как непереходные без изменения формы: ср., например, англ. *break* 'ломать(ся)'¹. Лабильные глаголы еще с работы [Чикобава 1942] включены в круг явлений, связанных с переходностью, однако исследованы гораздо слабее, чем каузатив или декаузатив. В частности, единственным монографическим исследованием является диссертация [Полинская 1986], учитывающая только материал эргативных языков. Следовательно, необходимо построение типологии лабильных глаголов.

В своей работе мы рассмотрим несколько аспектов типологии лабильности. Во-первых, как мы покажем, лабильные глаголы весьма неоднородны, поэтому необходима классификация по разным основаниям (мы укажем три таких основания).

Во-вторых, существенно, каким образом лабильность взаимодействует с другими грамматическими характеристиками того или иного языка, лучше описанными в типологической перспективе. Мы попытаемся ответить на вопрос, для каких языков наиболее характерна развитая лабильность.

1. КЛАССИФИКАЦИЯ ЛАБИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Прежде всего, покажем, на какие классы делятся лабильные глаголы в языках мира. Мы рассмотрим классификацию лабильных глаголов по семантическому соотношению между употреблениями, по семантическому классу глагола и по синтаксическим свойствам употреблений.

1.1. Деривативная классификация

Наиболее естественной кажется классификация лабильных глаголов на основаниях семантического соотношения между употреблениями. Мы называем ее деривативной, поскольку при классификации за основу берется соответствующая маркированная ак-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 08-04-00191а.

тантная деривация (например, каузатив или рефлексив): выделяются следующие типы²:

1. каузативный: древнегреч. *bainō* 'идти/вести', лезгинский (нахско-дагестанский) *q'in* 'умереть/убить', франц. *casser* 'разбить(ся)'³;
2. рефлексивный: хваршинский (нахско-дагестанский) *esanho* 'мыть(ся), умыть(ся)';
3. реципрокальный: эст. *suudlema* 'целовать(ся)';
4. конверсивный: болг. *харесвам* 'любить/нравиться';
5. пассивный: кабийский (берберский) *mDl* 'погребать/быть погребенным', бамана (манде) *sègin* 'вернуться/быть возвращенным'.

Их типологическая частотность иллюстрируется следующей иерархией:

каузативный > рефлексивный, конверсивный > реципрокальный > пассивный

Несложно видеть, что классификация действительно изоморфна классификации залогов и актантных дериваций, выражающихся в том или ином языке с помощью показателей, где также выделяются маркированные каузатив, рефлексив, реципрок и пассив. Тем интереснее два различия между классификациями дериваций и лабильных глаголов:

- особо выделяется конверсивный тип лабильности
- пассивный тип лабильности распространен значительно слабее маркированного пассива.

Конверсивный тип (см. о понятии конверсива в [Мельчук 1995]) выделяется потому, что некоторые глаголы: например, болгарского *харесвам* 'любить/нравиться', французского *agréer* 'принимать/нравиться' или английского *smell* 'пахнуть/нюхать' – сложно отнести к какому-либо другому типу. В отличие от каузативной лабильности, ни один из членов этих пар не является каузативом от другого. Основное отличие состоит в том, что оба употребления имеют два семантических актанта – экспериенцер и стимул.

С другой стороны, нельзя здесь говорить и о пассивном типе, поскольку ситуация не включает прототипического агенса или пациенса (прототипический пассив, как известно, образуется именно от глаголов, имеющих агентивный и пациенсивный актанты).

Интересен вопрос о собственно пассивном типе лабильности: он наблюдается, в основном, в языках Африки и в немногочисленных языках других ареалов. В работах [Haspelmath 1993a] и [Daniel et al. (в печати)] отсутствие таких глаголов объясняется с помощью понятия *агентивно-ориентированного компонента*.

Агентивно-ориентированные компоненты семантики глагола – это, согласно определению [Haspelmath 1993a], такие компоненты, которые требуют участия в ситуации агенса. Например, ситуации 'мыть' или 'бить' немыслимы без агенса, поскольку подразумевают определенные движения рук субъекта. М. Хаспельмат считает, что такие компоненты объясняют в равной мере отсутствие декаузативов типа *мыться* 'быть

² В статье мы не рассматриваем так называемую А-лабильность в терминах [Кибрик и др. 2000] (тип S = A в терминах [Dixon 2000]), при которой в обоих употреблениях субъектом является агенс, а пациенс присутствует только в переходном употреблении: например, *Маша ест кашу / Маша сейчас ест*, прочие соотношения переходного и непереходного употреблений мы рассматриваем как лабильность.

³ В данной работе мы не рассматриваем вопрос об исходности непереходного или переходного употребления для каузативно-лабильных глаголов. Скажем лишь, что встречаются оба типа случаев: ср. исходное *непереходное* употребление для русского глагола *оттаивать*, в разговорной речи употребляющегося как лабильный (*Мясо оттаяло / Я оттаиваю мясо*), и исходное *переходное* для французского глагола *casser* 'разбить(ся)' (см. [Greimas 1992; 2001]).

помытым' или лабильности типа 'мыть/быть помытым'. В действительности применимость этого понятия различна для разных типов оппозиций.

Действительно, невозможность декаузативации типа **мыться* 'быть помытым' хорошо объясняется тем, что глагол *мыть* включает агентивно-ориентированные компоненты. Декаузатив – это деривация, создающая из глагола с субъектом-агентом производный, обозначающий безагентный вариант той же ситуации. Естественно, если ситуация по смыслу не допускает такого варианта, деривация с ней несовместима.

Сложнее обстоит дело с парами, где маркирован каузативный глагол. Представим себе, что существует некоторый непроизводный глагол со значением 'быть помытым', 'мыться кем-л.' с субъектом-пациентом и агентом, выраженным периферийной именной группой. Смысл каузативации не требует отсутствия агенса у исходного глагола: иначе было бы невозможно образование каузатива от глаголов типа 'бежать' или 'убивать', что явно не так. Следовательно, вполне можно представить себе каузатив типа 'заставить быть помытым кем-л./собой' (т.е. 'помыть', аналогично каузативам типа 'рассердить кого-л.' от непроизводных глаголов со значением типа 'рассердиться на кого-л.'). Не вполне ясно, почему такие каузативы не образуются – потому ли, что каузатив обычно не сочетается с такого рода исходными глаголами (что требует дополнительного объяснения) или же просто потому, что непроизводных глаголов типа 'быть помытым' просто нет. Более вероятным кажется второе: тогда отсутствие пар типа 'быть помытым/помыть (каузатив)' обусловлено свойствами глагольного словаря, а не каузативной деривации. Заметим, что от пассивных дериватов каузативы иногда образуются: ср. кирг. (тюркский) *шыюй* 'перевязывать' – *шыюйюл* 'быть перевязанным' – *шыюйюлт* 'перевязывать', то есть на образование каузатива от пассивного деривата языковая система не налагает абсолютного запрета – хотя типологически это явление редко.

И наконец, с о в с е м не срабатывает объяснение М. Хаспельмата в случае лабильности. Действительно, если допустить, что немаркированные "декаузативы" (т.е. декаузативно-лабильные глаголы) имеют те же ограничения на сочетаемость, что и маркированные, легко объяснить, почему не существует к а у з а т и в н о - л а б и л ь н ы х глаголов типа 'мыть/быть помытым'. Но наличие глаголов типа *kiss* 'целовать(ся)' или *wash* 'мыть(ся)' показывает, что лабильность не исчерпывается каузативным типом – в языках мира мы находим немаркированные реципроки типа *kiss* и рефлексивы типа *wash* в непереходных употреблениях. Почему же так редко встречаются немаркированные пассивы – почему в английском языке нет, например, глагола типа *put* 'класть/быть положенным'?

Сложность состоит в том, что в случае лабильных глаголов невозможно по формальным основаниям отделить декаузативную лабильность от пассивной, как мы отделяем сегментный маркер каузатива от маркера пассива. Формально все лабильные глаголы в каждом языке идентичны и, строго говоря, невозможно априори решить, являются два из них (например, *kiss* и *break*) разными явлениями или одним и тем же.

Поэтому считать лабильность немаркированной параллелью к декаузативу неточно: лабильность – скорее параллель к системе маркеров актантной деривации в целом. Следовательно, лабильность типа 'убить/быть убитым' вполне могла бы существовать как немаркированный пассив – параллель к *маркированному пассиву* типа русского *быть убитым*. Тем самым, редкость пассивного типа лабильности выводится не из свойств инхоативно-каузативных семантических пар, описанных М. Хаспельматом, а из общих свойств *немаркированных дериваций*. К возможному объяснению мы перейдем в части "Мотивация лабильности".

Ниже мы кратко рассмотрим каждый из деривативных типов.

1.1.1. Каузативный тип

Каузативный тип лабильности наиболее распространен в языках мира. Он присутствует практически во всех ареалах, где есть лабильные глаголы, в том числе в таких, как Америка, где их в целом немного.

Почти во всех случаях каузативный тип является основным для языка. Он затрагивает наибольшее количество глаголов: ср., например, такие языки, как олутек (мише-соке, америндские), сикуани (гуахибские, америндские) (*paĩkota* 'просыпаться/будить'), французский (*casser* 'разбить(ся)'), русский (*лить: лить воду / вода льет из крана*) и другие европейские, нахско-дагестанские (авар. *бекизе* 'разбивать(ся)'), абхазо-адыгские, папуасские (см. пример (3) из языка харачуу) и пр.:

Адыгейский⁴ (абхазо-адыгский):

- (1) a. *se wəne-m sə-qe-na-ɸ*
 я дом-ERG 1SG.S-DIR-ОСТАВИТЬ-PST
 'Я остался дома';
- b. *sabəj-əm žegwəwe-xe-r wəne-m qə-r-jə-na-ɸ*
 ребенок-ERG игрушка-PL-ABS дом-ERG DIR-LOC-3SG.A-ОСТАВИТЬ-PST
 'Ребенок оставил игрушки дома'.

Олутек (мише-соке):

- (2) a. *0 = jik-pa* *seme* *tuk*
 B3(ABS)=become_dirty-INCOMPL very one
 'Он очень сильно пачкается';
- b. *?i = jik-pe* *kay + an*
 A3(ERG)=make_dirty-INCOMPL food
 'Он пачкает еду' [Zavala 2000: 78].

Харачуу (новокаледонский, австронезийский):

- (3) a. *kwii bechâ*
 веревка развязаться
 'Веревка развязывается';
- b. *pă bechâ kwii gè nâ*
 я развязать веревка POSS 1SG
 'Я развязываю свои веревки' (т.е. 'Я высвобождаюсь') [Moysse-Faurie 1995].

Тем не менее, встречаются и исключения. В берберском кабийском языке встречаются, в основном, пассивно-лабильные глаголы. В языке-изоляте Южной Америки трумай встречается лабильность каузативного, пассивного и рефлексивного типа, причем ни один из типов нельзя однозначно назвать основным (америндские языки явно отдают предпочтение каузативному типу). В алюторском языке среди лабильных глаголов преобладают рефлексивные (см. (8)), а в чукотском рефлексивный и декаузативный типы распространены примерно одинаково (см. [Инэнликэй, Недялков 1967]).

Особым подтипом языков, где преобладают другие классы, являются системы с продуктивным немаркированным реципроком и рефлексивом (например, шокшинский эрзянский (финно-угорский)⁵, инуит (эскимосско-алеутский), о которых мы скажем ниже.

⁴ Хакасские и адыгейские данные собраны автором, а также другими участниками хакасских (2001–2002) и адыгейских (2003–2007) экспедиций РГГУ. Арабские данные получены в ходе работы с материалами арабских газет в сети Интернет.

⁵ Данные шокшинского эрзянского языка взяты из доклада В.А. Иванова и Е.В. Федько «Особенности выражения рефлексивной ситуации и синтаксическое поведение рефлексивов в шокшинском диалекте эрзянского языка» на Третьей конференции типологии и грамматике для молодых исследователей (СПб., 2006).

Некоторое отличие лабильных каузативных глаголов от маркированных каузативов заключается в способности к лабильности глаголов типа глагола *sáxas* ‘кидать, падать споткнувшись’ в арчинском языке нахско-дагестанской семьи (аналогичный случай представляет глагол юто-ацтекского языка пипил *ixkwera* ‘выбрасывать, сбрасывать, проливать’, тоже имеющий переходное употребление с агентивным компонентом семантики: *i:xkwer-ki* ‘это просыпалось’, *k-i:xkwer-ki* ‘он это просыпал’, ‘он это кинул’) [Campbell 1985].

Еще более необычен глагол *kwi'ra* ‘бить, жалить; падать’ в юто-ацтекском языке чемехуви (см. [Press 1980]), поскольку его переходное и непереходное употребления нетривиально соотносятся семантически.

Однако гораздо более существенным является свойство, которое можно назвать *расщепленной характеристикой партиципантов*. Поскольку каузативная деривация предполагает добавление к ситуации дополнительного участника или подситуации (см. [Pylkkänen 2002; Лютикова и др. 2006] и др. о формальном представлении каузативных ситуаций), по умолчанию считается, что семантические свойства (в частности, семантическая роль) исходного субъекта не должны меняться, например:

Хакасский (тюркский):

- (4) a. svet üs-š'e
свет гаснуть-PRS
‘Свет гаснет’;
- b. paba-m svet üz-ir-š'e
отец-1SG свет гаснуть-CAUS-PRS
‘Мой отец гасит свет’.
- (5) a. pala vino is-ken
ребенок вино пить-PST
‘Ребенок выпил вино’;
- b. îže-zy pala-zy-na vino is-t(y)r-gen
мать-3SG ребенок-3SG-DAT вино пить-CAUS-PST
‘Мать заставила ребенка выпить вино’.

Каузатив не меняет способ участия субъекта в исходной, вложенной ситуации: например, в (4) субъект является пациентивным и в исходной, и в каузативной конструкции. Напротив, в (5) агентивный субъект исходного глагола и в каузативной конструкции сознательно совершает действия, которые называются ‘пить вино’ (несмотря на то, что желания их совершать у него нет).

Однако русские глаголы типа *лить*, *катить*, французский *descendre* ‘спускаться’ и др. нарушают данное правило. Ср., например:

Русский:

- (6) a. Я лью воду в кастрюлю.
b. Из трубы льёт вода.
c. Из крана в кастрюлю льётся вода.
d. ??? Из крана в кастрюлю льёт вода.

Пару употреблений лабильного глагола *лить* составляют (6a) и (6b). Непереходное употребление, по суждениям носителей, употребляется при сильном и неконтролируемом (часто даже неожиданном для наблюдателя) движении воды. В подобных ситуациях вода утрачивает одну из характеристик прототипического пациенса: ее движение не контролируется извне, участник ситуации автономен от внешних сил. С другой сто-

роны, (6с) и (6d) показывают, что при контролируемом движении воды возвратный дериват *литься* не может быть заменен немаркированным *лить*.

Аналогичным образом, *катить* при непереходном употреблении обозначает только агентивное движение человека на транспортном средстве или самого транспортного средства. С другой стороны, употребление с пациентивным субъектом типа *по дороге катит мяч* неграмматично. То же самое верно для французского глагола *descendre*.

Следовательно, при непереходном употреблении глаголов типа *лить* субъект является все же несколько менее пациентивный, чем объект при переходном употреблении. Это необычное соотношение употреблений обусловлено упорядочиванием актантов: при переходном, но не при непереходном употреблении имеется более агентивный актант, оказывающий на пациенс воздействие. При непереходном употреблении, где внешняя сила отсутствует, часть агентивных свойств (а именно, автономность) принимает единственный актант.

Кроме того, данное явление связано с общей мотивацией лабильности: одна из возможных мотиваций лабильности глагола – сходство синтаксических субъектов двух употреблений: оба употребления глагола *лить* имеют автономный субъект – в отличие от глагола *литься*, субъект которого – прототипический пациенс.

1.1.2. Рефлексивный тип

Рефлексивный тип распространен существенно меньше, чем каузативный. В частности, в отличие от каузативного, распределение рефлексивного подтипа нельзя жестко сформулировать в терминах ареалов. Ареала, где в большинстве или во всех языках имелись бы рефлексивно-лабильные глаголы, не существует.

Тем не менее и этот тип глаголов присутствует во многих разноструктурных языках, таких, как английский, некоторые нахско-дагестанские⁶, алюторский, шокшинский эрзянский, инуит:

Хваршинский (нахско-дагестанский):

(7) a. da esan.ho

я.ABS мыть.ITER

‘Я моюсь’;

b. de esan.ho litoaba

я.ERG мыть.ITER рука.PL

‘Я мою руки’ [Имнайшвили 1963].

Алюторский (чукотско-камчатский):

(8) a. үәммә тә-тивла-ткән

я.NOM 1SG.S-выбивать_палкой-IPF

‘Я отряхиваюсь (палкой)’;

b. үәт-нан тә-тивла-ткә-п

nalʏə-n

я-ERG 1SG.A-выбивать_палкой-IPF-3SG.P шкура-ABS

‘Я выбиваю палкой шкуру’ [Кибрик и др. 2000].

⁶ Рефлексивная лабильность в нахско-дагестанских языках составляет проблему для гипотезы В. Дроссарда [Drossard 1998], согласно которой А-лабильность редка в эргативных языках, тогда как Р-лабильность (лабильность, сохраняющая пациентивный аргумент в обоих употреблениях, например, *The cup broke* ‘Чашка разбилась’ / *I broke the cup* ‘Я разбил чашку’) в таких языках частотна. Если считать рефлексивную лабильность подклассом А-лабильности, то данный подкласс довольно частотен в эргативных языках.

Инуит (эскимосско-алеутский):

- (9) a. *taku-vaa*
видеть-3SG + 3SG
'Он его видит';
b. *taku-vuq*
видеть-3SG
'Он себя видит' [Bok-Bennema 1991].

Особый подтип представлен в языках инуит и шокшинском эрзянском: хотя рефлексив в примере (9) не обозначается особым маркером, глагол в рефлексивном и переходном употреблении различается типом личного показателя (ср. показатель третьего лица агенса и пациенса в (9a) и показатель третьего лица субъекта непереходного глагола в (9b)).

С другой стороны, рефлексивные глаголы не встречаются в языках Центральной и Южной Европы (славянских, романских, греческом), языках Америки и Африки.

Давно отмечена типологическая семантическая и формальная близость показателей рефлексива и реципрока (так, в [Nedjalkov 2007: 17] рефлексивно-реципрокальная полисемия причисляется к главным типам полисемии показателей взаимности). Однако рефлексивная лабильность присутствует в некоторых языках, где реципрокального подтипа нет. Прежде всего, это некоторые нахско-дагестанские языки: вероятно, рефлексивное значение лабильного глагола в них вторично по сравнению с имперсональным ('Мать моет (нечто)' → 'Мать моет себя'). Однако та же имперсональная конструкция не получает реципрокального прочтения. Точно так же обстоит дело в языке-изоляте Южной Америки трумай: опущение агенса может в нем иметь рефлексивное, но не взаимное прочтение:

Трумай (изолят):

- (10) a. *hai-ts Atawaka tīchī*
я-ERG Атавака испугать
'Я испугал Атаваку';

- b. *Atawaka tīchī*
Атавака испугать
'Атавака сам себя испугал' [Guirardello 1999: 344], аналогичный пример во множественном числе не имеет значения 'Они друг друга испугали'.

Такое различие между показателями дериваций и системами лабильных глаголов связано, видимо, с тем, что при лабильности рефлексив не является отправной точкой для реципрока. Скорее рефлексивное значение само по себе является результатом переосмысления имперсонального (так, предложение (9b) может также значить 'Он видит (он зрячий)'). В то же время имперсональные предложения обычно не переосмысляются как реципрокальные.

Как правило, класс рефлексивно-лабильных глаголов весьма узок и ограничивается выделенными в работе [Kemmer 1980] так называемыми глаголами «ухода за телом» (ср. англ. *comb* 'причесывать(ся)', *wash* 'мыть(ся)', *shave* 'брить(ся)'). Это правило нарушается только в языках типа инуит и шокшинского эрзянского, где за каждое прочтение отвечает свой тип аффиксов. Языки такого типа позволяют сформулировать следующее правило:

чем большую систему разграничения употреблений лабильного глагола имеет язык, тем вероятнее развитая лабильность⁷.

⁷ Впрочем, это лишь тенденция, которая соблюдается не стопроцентно. К примеру, языки Южной Америки, часто имеющие «переходный» и «непереходный» типы спряжения, не склонны к лабильности.

Сразу отметим, что в эргативных языках пассивный тип лабильности, по-видимому, отсутствует. То, что можно было бы считать случаями пассивной лабильности типа 'Человек убил собаку'/'Собака была убита', на самом деле, как показано в [Haspelmath 1993b; Kibrik 1996], таковой часто не является: так, в годоберинском, лезгинском и других нахско-дагестанских языках переходные глаголы допускают опущение агенса с обобщенно-личным значением типа 'Его убили'. При этом глагол остается переходным, то есть о лабильности говорить нельзя. Напротив, в аккузативных языках пассивную лабильность выделить гораздо легче. Если при употреблении типа 'Собака была убита' пациент является синтаксическим субъектом, речь идет о непереходном употреблении.

В частности, в языке бамана семьи манде имеется большой класс пассивно-лабильных глаголов:

Бамана (манде)

- (12) a. syémà yé sòlimaden-w sègin só
 ответственный инициированный-PL вернуть дом
 'Ответственный (человек) вернул инициированных домой';
- b. sòlimadén-w sègin-na só syémà f'ε
 инициированный вернуться-COMPL дом ответственный PP
 'Инициированные были возвращены домой ответственным лицом'
 [Vydrine 1994].

Пример (12b) показывает, что при пассиве в бамана допускается выражение агенса с помощью послеложной группы.

Однако куда более распространены лабильные глаголы, которые в непереходном употреблении являются к в а з и п а с с и в а м и. От собственно пассивов их отличает невозможность выражения агенса в предложениях типа (13b), в противоположность (14):

Берберский кабийский:

- (13) a. mDl-n t ukSar
 погребать-3PL.M его внизу
 'Они погребли его внизу';
- b. ugi-n ad y-mDl ukSar
 отказываться-3PL.M IRREAL 3SG-погребать внизу
 'Они не хотели, чтобы он был погребен внизу' [Chaker 1983: 294].

- (14) y-Tw-aDfr s wuŠn
 3SG-PASS-преследовать от шакал
 'Его преследовал шакал' (букв. 'Он был преследуем шакалом') [Chaker 1983: 312].

Другой близкий к пассивному подтип – стативно-лабильные глаголы, которые в непереходном употреблении являются стативными. Естественным образом, в этом употреблении агент отсутствует, поскольку результирующее состояние им уже не контролируется.

Сонгай (нило-сахарский?):

taka 'создавать (о Боге) / быть созданным (Богом)';
husu 'быть проклятым / проклинать'.

Большинство лабильных глаголов языка харачуу тоже являются рефлексивно- или стативно-лабильными.

Сказанное выше позволяет сформулировать следующую тенденцию:

Пассивно-лабильные глаголы встречаются в языках с бедной глагольной морфологией.

Действительно, все упомянутые африканские языки, а также харачуу, не обладают развитыми системами морфологических показателей.

Данное правило неверно для стативно-лабильных глаголов позиции типа 'висеть / вешать': данный тип лабильности встречается в языках самых разных типов при глаголах **положения в пространстве** типа 'висеть/вешать': ср. исп. *colgar* 'висеть/вешать'.

1.2. Семантическая классификация

Как мы показали, деривативная классификация фиксирует соотношение между употреблениями глагола. Однако не менее важна классификация по семантике лабильных глаголов как таковых, по семантическим классам глаголов.

Наиболее склонны к лабильности следующие классы глаголов⁸:

i. фазовые глаголы

ii. глаголы движения

а) агентивные

б) пациентивные

iii. глаголы звукопроизводства

iv. прототипически переходные глаголы (напр., глаголы деструкции)⁹

В литературе, как правило, рассматривался именно класс (iv). Это связано с тем, что вообще при изучении проблем, связанных с переходностью, наибольшее внимание привлекает класс прототипически переходных глаголов. Тем не менее, численно лабильные глаголы этого класса не превосходят остальные. Впрочем, имеются системы, где этот класс является основным: как будет показано ниже, это прежде всего кавказские языки с эргативной конструкцией предложения.

Глаголы движения – основной класс лабильных глаголов в русском (см. [Летучий 2006a]) и древнегреческом языках, также они часто бывают лабильными во французском (*monter* 'поднимать(ся)', *descendre* 'спускаться(ся)'). В других языках присутствуют отдельные представители этого типа.

Глаголы звукопроизводства лабильны, например, в русском и французском языках:

(15) а. *Грянул марш*;

б. *Оркестр грянул туш*.

Французский:

(16) а. *Ce mot sonne bien à l'oreille* 'Это слово звучит приятно';

б. *Le curé a sonné le tocsin* 'Священник ударил в набат'.

Можно заметить, что данные типы преимущественно разбивают на более мелкие подклассы **каузативно-лабильные глаголы**. Безусловно, это не случайно: все остальные деривативные классы более компактны и плохо поддаются делению на

⁸ Отдельно стоит упомянуть глаголы приобретения свойства, в частности, цвета и размера: ср. франц. *grandir* 'увеличивать/расти', *rougir* 'краснеть/краснеть'. Они лабильны во многих европейских языках (французский, испанский), а также в современном иврите. Необычным является то, что зачастую их лабильность связана с их формальными свойствами: словообразовательным типом и производностью от прилагательных.

⁹ Семантическую переходность мы понимаем в духе работ [Hopper, Thompson 1980; Næss 2007]. Это несколько групп семантических характеристик: например, степень контроля субъекта над ситуацией, степень затронутости пациента или аспектуальные свойства глагола, – которые в тех или иных языках коррелируют с переходной или непереходной моделью управления глаголов и их групп.

подтипы. Однако в случае с глаголами движения и фазовыми глаголами существуют сложности при отнесении к деривативному типу.

Как было показано выше, свойства исходного субъекта не должны меняться при каузативации. Следовательно, глаголы движения типа русского *катить* (*Машина катит по улице – Мальчик катит мяч по улице*) или французского *descendre* 'спускать(ся)' не совсем подпадают под каузативный тип: в непереходном употреблении субъект движения (например, *машина* при глаголе *катить*) близок по свойствам к агенсу, а в переходном соответствующий ему объект-каузируемый может быть пациентивен. Скорее они попадают в группу автокаузативных дериватов, выделенных в работах Э.Ш. Генюшене [Geniušienė 1987].

Еще сильнее отклоняются от прототипа каузативности фазовые глаголы: в частности, употребления переходных фазовых глаголов типа *Самолет начал падение* явно не обозначают каузацию некоторой ситуации. Более того, в отличие от канонических каузативов, такие употребления имеют пациентивный субъект.

Лабильность фазовых глаголов подробно обсуждается в [Летучий 2005]¹⁰. Фазовые лабильные глаголы характерны, прежде всего, для европейских языков: ср. франц. *commencer* 'начинать(ся)', исп. *comenzar* 'начинать(ся)', румын. *începe* 'начинать(ся)', нем. *anfangen* 'начинать(ся)', серб. *почети* 'начать(ся)', лабильные фазовые глаголы болгарского языка *започвам* 'начинать(ся)', *продължавам* 'продолжать(ся)', *завършвам* 'кончать(ся)'. Однако они встречаются и в других ареалах. В частности, в арабском языке лабильны глаголы *bada'a* и *ibtada'a* 'начинать(ся)'. Даже в тюркских языках, практически не имеющих лабильных глаголов, встречаются лабильные фазовые глаголы.

Семантическая классификация необходима в тех случаях, когда сведений о деривативном типе для описания некоторой системы недостаточно. К примеру, говоря о лабильности в древнегреческом языке, необходимо упомянуть лабильность глаголов движения: ср. *ballō* 'бросать/бросаться, впадать', *bainō* 'идти/вести, заставить идти', *ekregnumi* 'вырывать/вырываться, устремляться', *helaunō* 'гнать/отправляться, доходить до', *аυβ* 'вести/идти (с войском)', *kineō* 'двигать/сниматься с лагеря'. При этом данная система не поддается описанию в терминах деривативных типов: часть из ее лабильных глаголов имеют вторичное непереходное употребление, как *ekregnumi* 'вырывать/вырываться, устремляться', и похожи на немаркированные рефлексивы и автокаузативы. Часть, как, например *baino* 'идти/вести', представляют каузативный тип. Наиболее существенна в данном случае именно характеристика семантического класса.

Как видно на примере фазовых глаголов, глаголов движения и глаголов звукопроизводства, зачастую лабильными являются именно глаголы, отклоняющиеся от прототипа переходности. Это связано с тем, что у таких глаголов, как, например, глаголы движения или фазовые глаголы субъекты двух употреблений близки по своим свойствам: либо они оба неагентивны (ср. фазовые глаголы), либо оба агентивны (ср. глаголы движения типа *погнать*). Лабильность, как мы покажем ниже, часто свойственна глаголам с близкими между собой по свойствам актантами.

1.3. Синтаксическая классификация

Наконец, лабильные глаголы различаются по синтаксическим свойствам употреблений, а именно, по количеству актантов и переходности.

¹⁰ Безусловно, фазовые глаголы представляют собой сложный случай, поскольку их употребления не соотносятся между собой как члены канонической пары 'Р'/'каузатив от Р'. Однако мы считаем возможным включить фазовые глаголы в число лабильных на формальных основаниях, если они имеют непереходное одновалентное употребление типа *Строительство началось* и переходное с объектом в аккумулятиве типа *Рабочие начали строительство*.

Прежде всего, отметим, что определение лабильных глаголов, дававшееся в типологических исследованиях, отличается от того, которое обычно используется в описательных работах (например, по языкам Кавказа [Чикобава 1942; Бокарев 1949; Рогачева, Керашева 1966: 98–99]). Последние, как правило, фиксируют внимание на различии употребления глаголов по переходности. Напротив, первые (а именно на эти работы, например [Haspelmath 1993a; Лютикова 2002], и др. нам бы хотелось опираться) исследуют определенный (чаще всего декаузативный) тип лабильности, не включая в рассмотрение пары типа ‘есть (что-либо)’/‘есть, питаться’.

Различие между данными определениями состоит в том, что из второго из них прямо не следует тип синтаксического различия между употреблениями.

Во-первых, оба употребления могут иметь одинаковую синтаксическую переходность. Даже в работе [Haspelmath 1993a] в число инхоативно-каузативных пар включается пара ‘учить (изучать)’/‘обучать’. Ясно, что очень во многих языках ее члены не различаются по переходности, ср., например:

- (17) а. *Я учу английский* (некаузативный переходный глагол);
 б. *Я учу школьников английскому* (каузативный переходный глагол).

Пара употреблений в (17), несомненно, напоминает употребления лабильного глагола в том смысле, что различие между (17а) и (17б), являющимся семантически каузативом от него, никак не маркируется.

Сходные характеристики имеют болгарский глагол *уча* ‘учить’, а также французский *apprendre* ‘учить’. Оба они являются переходными во всех употреблениях, но похожи на лабильные глаголы в том смысле, что только в одном из употреблений присутствует каузатор. Можно сказать, что они являются лабильными в смысле валентности (добавления дополнительного участника-каузатора), но не в смысле переходности. В целом этот тип развит в болгарском и в древнегреческом языках.

С другой стороны, более редок, но также существует тип, при котором оба употребления глагола непереходны: ср., например:

Турецкий:

- (18) а. *ders başl-ıyor*
 урок начинать(ся)-PRS
 ‘Урок начинается’;
 б. *öğretmen ders-e başl-ıyor*
 учитель урок-DAT начинать-PRS
 ‘Учитель начинает урок’ [Щека 1999].

Как кажется, нет веских оснований отделять случаи типа (17) или (18) от канонической лабильности. Ключевым является объединение в рамках одной лексемы ситуаций, различающихся по количеству и свойствам актантов: например, двухвалентного и трехвалентного в (17), одновалентного и двухвалентного в (18). Выбор модели управления каждого из употреблений в конкретном языке – особая проблема.

В частности, такое расширение понятия лабильности до некоторых непрототипических случаев позволило бы включить турецкий пример в ряд лабильных фазовых глаголов (см. о них в [Летучий 2005]):

Французский: *commencer* ‘начать(ся)’;
 Английский: *finish* ‘закончить(ся)’ и т.д.

Существуют и обратные случаи. У некоторых глаголов употребления различаются по переходности, но не по валентности: ср., например, болгарский глагол *харесвам* ‘любить/нравиться’ и румынский *place* ‘любить/нравиться’:

Болгарский:

- (19) а. Тази момиче не **ме** харесва
 этот.F.SG девушка не я.ACC любить/нравиться.3SG.PRS
 ‘Эта девушка меня не любит’;
- б. Тази момиче не **ми** харесва
 этот.F.SG девушка не я.DAT любить/нравиться.3SG.PRS
 ‘Эта девушка мне не нравится’.

Румынский:

- (20) а. lui Marin îi place cartea
 DAT Марин CL-PRON-DAT нравится книга
 ‘Марину нравится книга’;
- б. toți au plăcut-o **pe** **на**
 все нравиться.PAST-CL-PRON-ACC P-ACC Ана
 ‘Ана всем нравилась’ (букв. ‘Ану все любили’) [Caluianu 2000: 158].

В примере (19а) слово ‘я’ стоит в аккузативе и, следовательно, является прямым дополнением-стимулом переходного употребления. Напротив, в (19б) оно оформлено дативом и является непрямым дополнением-экспериенцером непереходного употребления. В обоих случаях обе именные группы нужно считать актантами глагола: например, ни прямое дополнение в (19а), ни не прямое в (19б) не поддаются опущению без поддержки предшествующим контекстом:

- (21) а. *Тази момче не харесва
 этот.F.SG девушка не любить/нравиться.3SG.PRS
 ‘Эта девушка не любит/не нравится’.

При этом употребления болгарского и румынского глаголов имеют одинаковое число актантов, в отличие от канонических лабильных глаголов типа *break*.

Такого рода соотношения очень близки к канонической лабильности, но отличаются от нее мотивацией лабильности. В случае декаузативной лабильности типа ‘разбить(ся)’ или рефлексивной типа ‘мыть(ся)’ два употребления глагола обозначают две различных, хотя и весьма близких, ситуации. Один из актантов является прототипическим агенсом и занимает место субъекта при переходном употреблении, другой актант, напротив, пациентивен.

При лабильности типа румын. *place* ‘любить/нравиться’, фр. *agréer* ‘быть приятным/нравиться’, болг. *харесвам* ‘любить/нравиться’ сложно усмотреть различие в семантике ситуаций, обозначаемых употреблениями. Разница заключается только в степени выделенности одного или другого актантов¹¹. Оба актанта не являются прототипическими агенсами и конкурируют за право быть субъектами. Выбор субъекта, тем самым, зависит именно от выделенности участников.

Конверсивный тип свидетельствует о том, что связь лабильности как немаркированной деривации и синтаксического варьирования переходности – не прямая. Ключевой является способность глагола выступать в двух конструкциях: с субъектом-стиму-

¹¹ Сформулировать эту зависимость более точно можно только на материале больших корпусов текстов. Тем не менее, ясно, что при одушевленном и сильно выделенном стимуле используется часто непереходная модель. Вопрос о выделенности экспериенцера, возможно, менее осмыслен, поскольку он всегда одушевлен.

лом и с субъектом-экспериенцером, причем они противоположны друг другу по синтаксическим позициям актантов.

Напротив, тот факт, что одна из диатез (с субъектом-стимулом) непереходна, а другая (с субъектом-экспериенцером) переходна, связан совсем не с лабильностью, а с характеристиками актантов. Во многих языках, где существуют отдельные глаголы 'нравиться' и 'любить', первый является непереходным, а второй – переходным.

Итак, выделяются следующие синтаксические типы лабильности:

1. Глаголы с лабильной переходностью и валентностью.
2. Глаголы с лабильной переходностью, но без изменения валентности.
3. Глаголы с лабильной валентностью, но без изменения переходности.
- 3а. Глаголы, переходные в обоих употреблениях.
- 3б. Глаголы, непереходные в обоих употреблениях.

2. ЛАБИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ДЕРИВАЦИИ

Лабильность – феномен, находящийся между грамматикой и лексикой. Варьирование переходности и валентности связано со смыслами, обычно выражаемыми показателями, но обусловлено свойствами глагольной лексики. Поэтому актуален вопрос о соотношении лабильности и собственно грамматических средств – показателей дериваций.

Лабильные глаголы того или иного типа могут по-разному соотноситься с показателями синонимичных дериваций. Возможны следующие соотношения:

- 1) аналогичного показателя деривации в языке нет
- 2) показатель деривации имеется, но не сочетается с данным глаголом
- 3) показатель деривации имеется и сочетается с данным глаголом
- 4) показатель деривации имеется и сочетается с данным глаголом без изменения смысла.

Отметим, прежде всего, что практически во всех языках с лабильными глаголами только часть из них сочетается с показателями деривации. Это существенно подрывает гипотезу о взаимодополняющей роли деривативных показателей и лабильности, имплицитно подразумеваемой в [Haspelmath 1993a]: во всяком случае, эта гипотеза должна применяться на уровне лексем, а не только языковой системы в целом. Действительно, если бы лабильность хотя бы в каком-то смысле компенсировала отсутствие показателей деривации, нельзя было бы объяснить наличие лабильных глаголов, сочетающихся с показателями. И наоборот, если бы показатели и лабильность совершенно не зависели друг от друга, объяснению не поддавались бы лабильные глаголы, не принимающие показателей деривации.

Эта проблема встает и в других случаях, когда одну и ту же функцию выполняют для одних глагольных пар грамматические маркеры, а для других – лексические феномены (супплетивизм, лабильность). Рассмотрим, например, другой тип соотношения между переходным и непереходным глаголом – супплетивизм (ср. *умереть/убить, лежать, ложиться/класть* в русском языке). Нередки случаи, когда один из глаголов пары также принимает маркер деривации: например, адыг. *лел* 'умереть' – *wəx'en* 'убить' – *ве-лел* (морфологический каузатив) 'позволить умереть'. Тем самым, нельзя считать грамматические маркеры и лексические характеристики ни явлениями одного порядка, ни полностью независимыми.

Ниже мы попытаемся понять, каковы могут быть функции лабильности и показателей деривации при одном и том же глаголе.

2.1. Лабильность и показатели: типы противопоставлений

Мы выделяем три типа противопоставлений между формой с показателем деривации и немаркированной формой лабильного глагола: эти типы можно условно обозначить как «актантный», «аспектуальный» и «деривативный».

В первом случае два варианта противопоставлены по свойствам субъекта или объекта: прежде всего, по степени агентивности или пациентивности. К примеру, русский глагол *лить* в непереходном употреблении и дериват от него *литься* различаются, прежде всего, степенью автономности субъекта, как было показано для примера (6). С другой стороны, адыгейский глагол *zebχərətəq_wən* ‘рассыпать(ся)’ обозначает ситуацию, пациенсом которой является сыпучий предмет, а каузативный дериват от него *zebχərətəq_wən* ‘разрушить’ – ситуацию с пациенсом-моноклитным предметом (‘разрушить стену’).

Связь со свойствами участников может быть и более сложной: например, в новокаледонском языке харачуу переходная форма лабильного глагола *běchâ* ‘развязать(ся)’ употребляется только в случае, когда между актантами существуют посессивные отношения. При их отсутствии используется каузатив *fa-běchâ*:

Харачуу (новокаледонский, австронезийский)

- (22) a. kwii bēchâ
 веревка развязаться
 ‘Веревка развязывается’;
- b. nǎ bechâ kwii rē nǎ
 я развязать веревка POSS 1SG
 ‘Я развязываю свои веревки’ (т.е. ‘Я высвобождаюсь’);
- c. nǎ fa-bechâ kwii rēè
 я CAUS-развязать веревка POSS.3SG
 ‘Я развязал его веревки’ (т.е. ‘Я освободил его’) [Moyses-Faurie 1995].

Адыгейский глагол *qjənen* ‘оставить; остаться’ в переходном употреблении, как правило, обозначает неумышленное действие, но могут обозначать и умышленное (см. (23abc)). Каузативный дериват подразумевает, что действие субъекта было волевым (23c):

Адыгейский

- (23) a. se wəne-m sə-qe-na-ɸ
 я дом-ERG 1SG.S-DIR-оставить-PST
 ‘Я остался дома’;
- b. sabəj-əm žeg_wake-xe-ɾ wəne-m qə-ɾ-jə-na-ɸ
 ребенок-ERG игрушка-PL-ABS дом-ERG DIR-LOC-3SG.A-оставить-PST
 ‘Ребёнок оставил игрушки дома’ (нечаянно);
- c. maše jane-jate wəne-m qə-ɾ-a-na-ɸ.
 Магу(ERG)(3SG.POSS)мать-отец(ERG) дом-ERG DIR-LOC-3PL.A-остаться-PST
 ‘Родители оставили Машу дома’ (нарочно);
- d. sabəj-əm žeg_wake-xe-ɾ wəne-m qə-ɾ-jə-ɸe-na-ɸ
 ребенок-ERG игрушка-PL-ABS дом-ERG DIR-LOC-3SG.A-оставить-PST
 ‘Ребёнок оставил игрушки дома’ (нарочно).

Еще один тип связан с аспектуальными характеристиками ситуации: во многих случаях свойства лабильных глаголов удобнее описывать не через собственно семантические свойства участников или ситуации, а именно через их аспектуальные характеристики или выделенность фаз ситуации.

Как показано в работе [Cornips, Hulk 1996], в хеерленском диалекте нидерландского языка практически все лабильные глаголы (для примера взят глагол *koken* ‘варить(ся)’) сочетаются с показателем возвратности *zich*, однако аспектуальные свойства немаркированного и возвратного непереходного глагола различаются. Возвратный дериват, образованный от переходного употребления лабильного глагола, фокусирует внимание на конечной фазе события и поэтому не допускает обстоятельств длительности. Напротив, лабильный глагол в непереходном употреблении акцентирует событие в целом и допускает такие обстоятельства:

Хеерленский нидерландский:

- (24) *dat het ei zich 3 minuten lang gekookt heft
 что DEF яйцо REFL 3 минута.PL за PART.PASS иметь.PRS.3SG
 ‘*...Что яйцо сварилось за три минуты’ (возвратный дериват).

- (25) dat het ei 3 minuten lang gekookt heft
 что DEF яйцо 3 минута.PL за PART.PASS иметь.PRS.3SG
 ‘Что яйцо сварилось за три минуты’ (лабильный глагол).

Данное распределение можно объяснить различием функций лабильности и маркеров дериваций. Лабильный глагол подразумевает сходство между употреблениями – не удивительно, что аспектуальные свойства исходного и производного глаголов тождественны. Напротив, декаузатив служит для построения новых глаголов с новыми свойствами – в данном случае это выделение конечной фазы ситуации.

Интересно, что в адыгейском языке соотношение, казалось бы, противоположно нидерландскому. При ряде лабильных глаголов немаркированное переходное употребление акцентирует внимание на конечной точке, а маркированный каузатив от непереходного употребления – на каузации¹²:

- (26) a. хэґбэзэ-т žane-г je-wəŕweje zepətə
 арбуз-ERG платье-ABS 3SG.A-пачкать всегда
 ‘Арбуз всегда пачкает одежду’ (каузатор не существует);
- b. хэґбэзэ-г аґə s-jə-žane z-jə-ke-wəŕweje-ke-в
 арбуз-ABS FOC 1SG-POSS-платье(ABS) REL-3SG.A-CAUS-пачкать-PAST-ABS
 ‘Именно арбуз испачкал мне одежду’ (каузатор выделен).

В примере (26a) мы видим лабильный глагол в переходном употреблении. В (26b) используется фокусная конструкция¹³. Поскольку агенс (и его воздействие на пациенс) выделено, используется не форма лабильного глагола, а каузативный дериват.

¹² Это, естественно, согласуется с наличием в адыгейском языке класса лабильных глаголов, вообще не сочетающихся с маркером каузатива.

¹³ Поясним устройство этой конструкции: при фокусировании агенса переходного глагола он ставится в абсолютиве, становясь субъектом при фокусном предикате *аґə*. При этом в позиции агентивного показателя согласования в смысловом глаголе появляется показатель *z(ə)-*, а в конечной позиции – абсолютивный суффикс *-г*, показывающий, что данная форма глагола является нефинитной. Тем самым, конструкцию в (27b) можно буквально перевести следующим образом: ‘Именно арбуз является тем, что мне испачкало одежду’.

В действительности противопоставление лабильных глаголов и маркированных дериватов устроено в двух языках одинаково. Различие заключается как раз в том, какие маркеры противостоят лабильности. В нидерландском языке непереходному употреблению противостоит маркер декаузатива, для которого характерно выделять конечную фазу ситуации, связанную с изменением состояния пациенса. Напротив, каузатив в адыгейском языке выделяет компонент, связанный с действиями субъекта – то есть каузацией – а лабильный глагол в обоих употреблениях выделяет фазу изменения состояния пациенса.

2.1.3. Деривативный тип

Наконец, деривативным называется наиболее простой тип соотношения, при котором лабильность занимает нишу одной актантной деривации, а за дериватом с показателем деривации показателем остается другая. Данный тип можно наблюдать, например, в немецком языке на примере лабильного глагола *hinunterstürzen* ‘перевернуть(ся), упасть с высоты’, см. (27ab) и декаузативного деривата от переходного употребления в (27c):

- (27) a. *Er stürzte sein Glas hinunter* ‘Он допил свой стакан’ (букв. ‘перевернул’);
b. *Er stürzte hinunter* ‘Он упал с высоты’;
c. *Er kletterte auf einen sehr hohen Berg und stürzte sich hinunter* ‘Он забрался на очень высокую гору и бросился вниз’.

В (27b) немаркированное употребление лабильного глагола является декаузативом от переходного. Дериват, употребленный в (27c), имеет скорее рефлексивное или автокаузативное значение: его субъект агентивен, что нехарактерно для субъектов глаголов с декаузативным значением.

2.2. Лабильные глаголы, не сочетающиеся с показателями

Наименее ясный тип явлений, однако, представляют как раз лабильные глаголы, не принимающие показателей деривации. Первой работой, в которой они подробно изучались для конкретного языка, является [Kibrik 1996], также эта проблематика освещается в разделе Е.А. Лютиковой в [Кибрик (ред.) 2001: 377–384] и в [Sumbatova, Mutalov 2003; Daniel et al. (в печати); Летучий (в печати)]. Как правило, в системе лабильных глаголов есть лексемы, которые не сочетаются с показателем каузатива или декаузатива в одном из употреблений.

Если рассматривать ситуацию с точки зрения экономии языковых средств, то она вполне объяснима. Например, адыгейский глагол *qwæp* ‘разбить(ся)’ не принимает в непереходном употреблении показателя каузатива. Поскольку значение ‘разбить’ обслуживается самим лабильным глаголом, образование синонимичного каузатива «не нужно» языку. Однако, как мы видели, этого объяснения недостаточно: многие лабильные глаголы тем не менее образуют каузативы в обоих употреблениях.

В работе [Kibrik 1996] предлагается диахроническое объяснение: согласно ему, в годоберинском языке лабильные глаголы, не принимающие показателя каузатива в непереходном употреблении (например, *hiši* ‘заккрыть(ся)’), являются исходно переходными, и производное непереходное употребление является в каком-то смысле ущербным по сравнению с переходным. Напротив, глаголы, не способные к каузативации в переходном употреблении (ср. *=una* ‘идти / вести, гнать’), исходно непереходны.

Возможно, диахронически это объяснение и верно, однако синхронно не объясняет свойств отдельных лексем. Особенно это верно для языков с очень развитой и регулярной морфологией типа адыгейского. В адыгейском языке каузатив присоединяют все глаголы, кроме непереходных употреблений лабильных лексем. При этом данные непереходные употребления ни морфологически, ни синтаксически не имеют каких-

либо черт, отличающих их от прочих непереходных глаголов – тем самым, они имеют морфологический слот, куда может присоединяться каузативный маркер. Однако этого не происходит, причем речь идет именно о грамматическом, а не о прагматическом запрете: предложение (28) не странно, а именно неграмматично:

(28) *se čaške-r z-ve-qwəta-ŋ

я чашка-ABS 1SG-CAUS-разбиться-PST

‘Я разбил чашку’ (каузатив от непереходного употребления ‘разбиться’).

В годоберинском языке лабильные глаголы, не сочетающиеся в одном из употреблений с каузативом, также составляют исключение. Среди нелабильных глаголов не сочетаются с этой деривацией только отдельные лексемы – и обычно этот запрет обусловлен запретом на определенную фонологическую последовательность или омонимией, которая бы возникла между каузативом и другим, производным глаголом [Kibrik 1996: 29]. Вряд ли такие запреты можно объяснить только диахронической производностью одного из употреблений. Заметим, например, что в годоберинском языке производные морфологические каузативы могут каузативироваться второй раз – тем самым, неверно, что любой производный глагол или употребление не способно к каузативации.

Кроме того, совсем не во всех языках с «направлением» лабильности связан запрет на деривацию. Так, в ицаринском языке нахско-дагестанской группы практически все лабильные глаголы сочетаются с показателем каузатива в обоих употреблениях (см. [Sumbatova, Mutalov 2003: 108]).

Более того, существуют языки типа боумаа фиджи (австронезийский), где каузатив сочетается только с непереходными глаголами (см. [Dixon 1988: 50–51]). В боумаа фиджи существует большой класс лабильных глаголов типа *lo'i* ‘гнуться, быть согнутым’ / *lo'i-a* ‘гнуть’¹⁴. По данным [Dixon 2000: 64], исходным у таких глаголов стоит считать *п е р е х о д н о е* употребление. Однако каузатив сочетается только с *н е п е р е х о д н ы м*, в соответствии с общим правилом каузативации.

Дополнительную сложность создает то, что лабильность – гораздо менее регулярный и продуктивный механизм, чем каузатив, мотивированный скорее лексически. Тем самым, создается странная ситуация, когда запрет на почти автоматический грамматический процесс связан с чисто лексическим явлением лабильности.

Следовательно, требуется объяснить невозможность предложений типа (28) через некие синтаксические и семантические свойства непереходного употребления. Таких объяснений два.

Первое из них состоит в том, что непереходное употребление имеет некий нулевой маркер деривации – например, декаузатива. В языках мира известны случаи, когда декаузативный дериват уже не может модифицироваться каузативом: например, в балкарском языке, согласно [Лютикова и др. 2006], каузативация дериватов с декаузативно-возвратным суффиксом *-l* возможна, только если они имеют рефлексивное, а не декаузативное значение.

В этом смысле непереходное употребление лабильного глагола ведет себя так же, как декаузативные дериваты. Если принять гипотезу о том, что непереходные употребления имеют нулевой маркер декаузатива, невозможность их каузативации объясняется правилом несочетаемости двух противоположных дериваций.

Тем не менее и это объяснение не идеально: на материале того же адыгейского языка можно считать, что все глаголы, не сочетающиеся с каузативным показателем, исходно переходны. Однако обратное неверно: не все исходно переходные глаголы не

¹⁴ В работах [Dixon 1988; 2000] такие глаголы считаются лабильными, поскольку суффиксы типа *-a* не рассматриваются как собственно маркеры деривации – скорее это классификаторы переходности, обязательно присоединяющиеся к переходному употреблению.

сочетаются с каузативом: к примеру, глагол *zebɣərə-teq_wən* ‘рассыпать(ся)’ стоит скорее считать исходно переходным, поскольку большинство глаголов с тем же корнем *-teq_wə-* имеют только переходную модель. Тем не менее, возможна каузативация непереходного употребления этого глагола – дериват имеет значение ‘разрушить’:

- (29) *ɕale-m* *depqə-r* *zebɣər-jə-ke-teq_wə-ɸ*
 парень-ERG стена-ABS LOC-3SG.A-CAUS-бросать-PST
 ‘Парень разрушил стену’.

Следовательно, производность непереходного употребления еще не гарантирует невозможности каузативации, хотя в некоторых случаях и может служить объяснением.

Есть и другой вариант – считать, что глаголы, не сочетающиеся с показателем каузатива, так ведут себя в силу других свойств, не связанных с направлением производности. Именно этот способ кажется предпочтительным для адыгейского языка.

Каузатив в адыгейском языке, как показано в [Аркадьев, Летучий 2007], имеет ряд необычных свойств. Среди них то, что поведение каузативов от пациентивных непереходных глаголов отличает их от непроизводных переходных глаголов: ср., например, интерпретацию отрицания:

Непроизводный переходный глагол:

- (30) *ɕ'ale-m* *pɕ-er* *q-ə-q_wəɣə-ɸ-er*
 парень-ERG дверь-ABS DIR-3SG.A-открыть-PST-NEG
 ‘Парень не открыл дверь’ (даже не пытался открыть || *пытался, но дверь не открылась)

Морфологический каузатив:

- (31) *paŋe* *ps-er* *ə-ke-ɕ_wa-ɸ-er*
 мать(ERG) вода-ABS 3SG.CR-CAUS-кипеть-PST-NEG
 ‘Мать не вскипятила воду’ (вообще не кипятила || начала кипятить, но вода не вскипела)

Это показывает, что морфологический каузатив обязательно добавляет к структуре события новую подситуацию: в (31), в отличие от (30), структура включает две подситуации: каузацию и каузируемое событие. В примере (31) отрицание может воздействовать не только на все событие целиком, но и только на каузируемое подсобытие: при второй интерпретации каузирующее подсобытие (‘мать начала кипятить воду’) имело место, а каузируемое (‘вода вскипела’) – нет.

Ссемантический класс лабильных глаголов, не сочетающихся с маркером каузатива, включает, прежде всего, глаголы деструкции типа *zerəɕ'ən* ‘сломать(ся)’, *q_wəten* ‘сломать(ся)’ или *zeɣetɣən* ‘порвать(ся)’. Помимо особых семантических свойств, их объединяют аспектуальные характеристики: все они моментальны – как правило, не могут характеризоваться по протяженности ситуации. По всей вероятности, каузативы не могут образовываться от моментальных глаголов, для которых двусобытийная интерпретация недопустима или крайне неестественна (событие ‘разбить’ с трудом раскладывается на два подсобытия – каузирующее и каузируемое). Для таких глаголов существует только два теоретически возможных формальных типа переходного глагола – лабильный глагол, либо лексический каузатив.

Тем самым, несочетаемость лабильного глагола с показателем деривации может быть результатом независимых друг от друга свойств лабильности и показателей, а не их конкуренции между собой.

Однако важно подчеркнуть, что лексическое явление лабильности глаголов и грамматические средства выражения деривации не независимы друг от друга. На систем-

ном уровне лабильность может «вытеснять» показатели деривации, которые могут не сочетаться с лабильными глаголами. Даже если лабильный глагол принимает показатели деривации, дериват и употребление лабильного глагола расподобляются между собой по семантике и не являются в полном смысле синонимами.

3. МОТИВАЦИЯ ЛАБИЛЬНОСТИ

Как мы видели, лабильность в малой мере можно считать альтернативой маркерам дериваций. Хотя встречаются случаи типа английского, где большая свобода в варьировании переходности компенсирует бедную систему деривативных маркеров, в подавляющем большинстве случаев все обстоит иначе. Как правило, лабильность появляется там, где, казалось бы, она «не нужна»: в самом деле, ни болгарский, ни французский, ни годоберинский языки не нуждаются в лабильности в том смысле, что имеют показатели рефлексива, реципрока, декаузатива или каузатива. Более того, ряд лабильных глаголов образует морфологические каузативы от непереходного употребления: тем самым возникает дублирование значения.

Помимо этого, распределение лабильности и маркеров дериваций также сильно отличается друг от друга. Распределение каузативных и декаузативных маркеров между собой в языках, где есть и те и другие, а также ограничения на применения декаузатива или каузатива успешно описывались в работах [Недялков, Сильницкий 1969; Haspelmath 1993a] и др. с помощью имплицативных фреквенталий. В частности, было отмечено, что типологически способность каузатива сочетаться с переходными глаголами влечет сочетаемость с переходными. Как отмечено в [Kulikov 1998], декаузативные маркеры в случаях, когда их сочетаемость ограничена, присоединяются, прежде всего, к глаголам деструкции. Напротив, для лабильности имплицативные объяснения такого рода явно не срабатывают: лабильны могут быть самые разные ограниченные группы глаголов (например, глаголы движения, фазовые глаголы, глаголы симметричных ситуаций и др.).

Единственная возможность в такой ситуации – считать, что лабильность, внешне аналогичная по функциям маркерам дериваций, используется языковой системой в других целях. Весьма вероятно, что лабильность – способ объединить две похожих ситуации в рамках одной лексемы.

Одно из подтверждений – склонность к лабильности глаголов с похожими актантами, например, агентивных глаголов движения (см. часть 1.2). Деривативный подход в их случае, как было показано, не дает результатов – поскольку лабильность и не является немаркированной деривацией.

Это предположение, как было показано, объясняет и способность лабильных глаголов сочетаться с показателями деривации. Дело в том, что показатель и лабильность просто выполняют разные задачи: лабильность объединяет две ситуации, а показатель регулярным образом производит от одной другую.

Отмеченная функция – сближение между собой сходных глаголов – распадается на несколько более мелких. В частности, явно выделяются случаи, когда ситуации близки денотативно или по актантам. Первый случай имеет место, когда между употреблениями глагола возникает каноническое каузативное соотношение (например, 'разбить'/'разбиться'). В этом случае ситуации различаются только наличием/отсутствием агенса.

Второй случай можно наблюдать на примере глаголов типа *катить* или *лить* (о дожде): денотативно два употребления глагола сильно различаются, однако похожи по свойствам субъекта: у глагола *катить* в обоих употреблениях субъект агентивен, у *лить* обладает автономностью и не контролируется извне.

В библейском иврите [Kirtchuk 1989; Al-Kadari 1995] лабильность характерна для глаголов перемещения жидкости с семантикой 'вытекать'/'источать'. Интересно при этом, что переходные употребления таких глаголов, как правило, неагентивны: их значение ближе к 'источать, истекать', чем к 'выливать', см., например:

Библейский иврит (семитский):

- (32) a. ?ereS zab-at Halab we-debaš
 страна источать.PST-F молоко и-мёд
 ‘Страна, (которая) источает молоко и мёд’ (переходная модель);
- b. we-?išša ki ya-zub damm-a
 и-женщина REL 3м-течь кровь-3F.POSS
 ‘И женщина, кровь которой течет’ (непереходная модель) [Kirtchuk 1989].

Тем самым, иврит обозначает одним глаголом не каноническую пару «глагол V/каузатив от V», а фактически одну и ту же ситуацию: собственно, различие в предложениях типа *Кровь потекла из раны* и *Рана источает кровь* заключается только в том, какой из участников более существен для говорящего. Такие употребления, как в (32a) и (32b) семантически ближе, чем члены канонической пары.

Еще один тип сближения ситуаций – синтаксическая близость. С ним мы имеем дело, когда помимо каузативного переходного и некаузативного непереходного, глагол имеет еще одно или несколько употреблений – например, каузативное, но синтаксически непереходное или, наоборот, некаузативное, но синтаксически переходное. Тем же самым можно объяснить наличие случаев квазилабильности типа русского *учить*, когда глагол имеет два употребления, но всегда является переходным или непереходным. Варьирование актантной структуры облегчается тем, что у двух употреблений имеется важная общая характеристика: синтаксическая переходность.

Вернемся теперь к деривативным типам лабильности. Выше мы отметили, что в рамках теории, предложенной в [Haspelmath 1993a], не получает объяснения отсутствие пассивной лабильности. Более того, казалось бы, этот тип лабильности вполне отвечал бы предложенной в этой части мотивации: активная и пассивная диатезы различаются только синтаксическими свойствами глагола и коммуникативными характеристиками актантов, а семантически тождественны. Почему же язык не объединяет их в одной форме?

Вероятно, лабильность обычно требует не только близости ситуаций, но и, с другой стороны, некоторого семантического различия. Минимальное различие наблюдается при парах «инхоатив/каузатив»: как показано на примере иврита, на самом деле ситуации могут вообще не различаться по семантике. Аналогичным образом, употребления глаголов с агенсом-инициатором типа литовского *virti* ‘варить(ся)’ не различаются наличием/отсутствием агенса: семантически агентивный участник имеется и при непереходном употреблении, поскольку ситуация ‘вариться’ не может возникнуть сама по себе.

Существенное различие между употреблениями при рефлексивном или реципрокальном типе: непереходное употребление, по сравнению с переходным, имеет нетривиальный семантический компонент – кореферентность участников, а при реципрокальном типе – еще и направленность действия «в обе стороны». Этим и объясняется редкость этих типов, особенно реципрокального.

Напротив, при пассивном типе употребления не различаются по семантике и не попадают в сферу лабильности. Не случайно даже в языках, где имеется близкий к пассивному тип лабильности, он отличается от канонического пассива (см. выше о стативном и квазипассивном подтипах).

Для отсутствия пассивной лабильности существует и другое объяснение. Как показано в [Grimshaw 1990], непрототипические соотношения семантических ролей и синтаксических статусов в языках мира обычно не кодируются производными глаголами. Прототипической считается, в частности, модель с субъектом-агеном и объектом-пациентом (как, например, при глаголе *варить* – *Мама варит мясо*). Напротив, модель с субъектом-пациентом и дополнением или адъюнктом-агеном считается непрототипической. Поскольку при пассиве пациент занимает позицию субъекта, а агенс – периферийного актанта, пассивы в языках мира обычно маркируются. Тот

факт, что пассивная лабильность почти не встречается, свидетельствует о том, что нельзя считать одно из употреблений лабильных глаголов производным от другого с помощью деривации: иначе существовали бы немаркированные пассивы типа *rit* 'быть положенным' с «нулевым показателем» пассива. В этом случае производное пассивное употребление не нарушало бы правило Гримшо: оно бы было таким же производным, как маркированные пассивы типа *быть построенным*, но только с помощью нулевого маркера деривации.

Итак, лабильность – это прежде всего способ объединения в одной лексеме близких между собой ситуаций¹⁵.

4. ЛАБИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И СВОЙСТВА ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Лабильность – характеристика определенных лексем данного языка. Но, будучи лексическим явлением, она тесно связана с грамматическими свойствами системы: а именно, со способами маркирования переходности.

Естественно, возникает вопрос: каким образом лабильность связана с другими, чисто грамматическими свойствами системы? Не имея полного набора сведений по данной проблематике (поскольку значительные группы языков Америки почти не описаны с точки зрения лабильности), мы тем не менее предложим несколько черт языковой системы, связанных с лабильностью. Очень многие из них были описаны в предшествующих исследованиях, однако скорее на теоретическом уровне, чем на большой языковой выборке.

4.1. Система актантных дериваций и свойства показателей деривации

В работе [Климов, Алексеев 1980] высказывается мысль, что в кавказских языках лабильность компенсирует отсутствие показателей пассива (в современной терминологии – декаузатива). Рассмотрим эту гипотезу о компенсирующей роли лабильности.

В некоторых отдельных случаях она поддерживается языковым материалом. Рассмотрим, к примеру, материал америндских языков. Среди языков семьи маку самой богатой морфологией обладает надеб: он обладает морфологическими показателями каузатива (*da-*) и рефлексива/реципрока (*ka-*). В этом языке имеется только небольшой класс А-лабильных глаголов, а Р-лабильность отсутствует. Напротив, язык дау морфологических маркеров деривации не имеет. А-лабильность в нем характеризует почти все переходные глаголы, также имеется небольшой класс Р-лабильных (подробнее см. [Aikhenvald, Dixon 1999]).

Однако для больших выборок языков эта гипотеза не подтверждается. В частности, системы актантных дериваций европейских языков сравнительно близки между собой: обычно имеется пассивная конструкция и возвратный показатель, выражающий широкий спектр понижающих и интерпретирующих актантных дериваций: реципрок, рефлексив, декаузатив, в ряде случаев – антипассив и имперсонал. Однако системы лабильных глаголов сильно различаются и по объему, и по семантическим классам. Точно так же различаются классы лабильных глаголов даже в сравнительно близких между собой нахско-дагестанских языках, имеющих сходные между собой системы актантных дериваций. Лабильность, тем самым, не занимает в полном смысле нишу отсутствующей в языке деривации.

Еще более очевидный довод против гипотезы Г.А. Климова и М.Е. Алексеева состоит в количестве лабильных глаголов: даже в языках с развитой лабильностью оно

¹⁵ Естественно, мы имеем в виду, что лабильность выполняет такую функцию в системе языка в синхронном аспекте. Это не отменяет того факта, что исторически лабильность часто является результатом «немаркированной деривации», т.е. одно из их употреблений является исходным, а другое – вторичным.

несоразмерно с количеством каузативных и декаузативных дериватов в языках с развитой актантной деривацией. Тем самым, отсутствие показателя только создает возможность для развития лабильности – не для всех лексем эта возможность реализуется.

Наконец, если буквально следовать гипотезе, следует ожидать, что лабильность будет компенсировать и отсутствие каузативного маркера – однако лабильные глаголы типа ‘убегать/прогонять’ очень редки. Причины этого мы рассмотрим ниже.

В то же время немало случаев, когда свойства лабильности можно связать со свойствами системы дериваций. К примеру, такие языки, как тюркские или грузинский, не имеют лабильных глаголов – и наоборот, имеют развитую повышающую и понижающую деривацию. Например, в грузинском каузатив выражается сочетанием префикса (характерной гласной) *a-* с суффиксом *-eb*, а декаузатив – сочетанием префикса *i-* с тем же суффиксом *-eb* [Гецадзе и др. 1969]. Оба преобразования продуктивны. Места для немаркированных преобразований в системе как бы не остается, поэтому лабильность не развивается.

Заметим, что и наличие богатой системы понижающих и повышающих актантных дериваций не гарантирует отсутствия лабильных глаголов: контрпримером может считаться арабский язык. Лабильные глаголы в нем немногочисленны, но имеются: ср. *tabayyana* ‘выяснять(ся)’, *bada’a* ‘начать(ся)’, *sa:wa:* ‘равняться/уравнивать’, *aflasa* ‘обанкротить(ся)’ и др. При этом арабский язык обладает большой системой производных глагольных классов (так называемых «пород»), часть из которых отвечает за повышающие (II, IV), часть – за понижающие (V, VIII), а часть – за интерпретирующие деривации и залогии (III, VI, VII, X). Однако едва ли можно считать ее системой грамматических показателей: в сравнении с картвельскими и тюркскими арабские актантные деривации существенно менее регулярны. Практически ни один непроемный глагол не допускает образования всех возможных дериватов. Скорее это словообразовательные показатели (или, во всяком случае, словоизменительные с крайне ограниченной сочетаемостью).

Кроме того, арабские формы «пород» имеют только слабые ограничения по переходности. Почти в каждой из «пород» встречаются и переходные, и непереходные глаголы – следовательно, лабильные глаголы могут встречаться и среди производных лексем (см. в подтверждение этого лабильность глаголов третьей породы *sa:wa:* ‘равняться/уравнивать’ и пятой породы *tabayyana* ‘выяснять(ся)’, подробнее о них в [Летучий 2006b: 294–330]).

Различие между системами арабского и тюркского типа показывает, что существенен не только набор актантных дериваций данного языка, но и степень их грамматикализации.

Этот вывод весьма последовательно иллюстрируется материалом европейских языков. Количество лабильных глаголов почти идеально коррелирует со степенью грамматикализации деривационных показателей:

немецкий > французский > испанский, итальянский > болгарский > русский

В немецком языке показатель декаузатива *sich* очень слабо отличается от свободных местоимений: он изменяется по падежам, по лицам, а единственное отличие в его парадигме – совпадение форм винительного и дательного падежей *sich* (ср. формы дательного падежа свободных местоимений *mir* ‘мне’, *dir* ‘тебе’ и винительного *mich* ‘меня’, *dich* ‘тебя’). Немецкий язык имеет большое количество лабильных глаголов, в том числе из числа прототипически переходных: *brechen* ‘ломать(ся)’, *reißen* ‘рвать(ся)’. Часть из них даже не сочетается с показателем декаузатива *sich*: так, глаголы *brechen* и *reißen* не образуют дериватов *sich brechen* и *sich reißen* в декаузативном значении ‘ломаться’ и ‘рваться’. Тем самым, лабильность настолько сильна, что не дает декаузативному показателю проникнуть в некоторые семантические классы глаголов.

Во французском языке возвратное местоимение тоже изменяется по падежам, но грамматикализовано сильнее, чем в немецком. Так, возвратные глаголы, судя по типу образования аналитического прошедшего, во французском трактуются как непереходные, а в немецком – как переходные. Помимо этого, во французском языке показатель является частью слова фонетически. Неудивительно, что во французском лабильных глаголов меньше, чем в немецком, хотя и весьма много в сравнении с другими языками романской группы. Как правило, французские лабильные глаголы сочетаются с показателем понижающей деривации *se*. В других романских языках лабильных глаголов еще меньше.

В болгарском языке возвратное местоимение отличается от морфологического показателя только своей подвижностью – оно не изменяется по лицам. Лабильные глаголы в болгарском языке есть, но сосредоточены в очень компактных зонах (ср., например, упомянутые в части 1.2 фазовые глаголы).

Наконец, в русском языке рефлексивный показатель полностью приобрел свойства суффикса. Неудивительно, что лабильные глаголы в русском языке очень малочисленны.

Отметим, что с системой и свойствами морфологических показателей коррелирует не только количество лабильных глаголов, но и их семантический класс. Это связано с тем, что пары употреблений лабильных глаголов в разной мере близки к прототипическим парам «переходный глагол/декаузатив» или «непереходный глагол/каузатив».

В частности, из европейских языков только в германских, и прежде всего в немецком, наблюдается лабильность глаголов с высокой семантической переходностью типа *brechen* ‘ломать’, *reißen* ‘рвать’. В других языках лабильность вытесняется показателями деривации в зоны непрототипической переходности: к примеру, в болгарском языке лабильны фазовые глаголы, не имеющие прототипического пациенса.

В русском языке, где показатель декаузатива еще более грамматикализован и продуктивен, лабильны глаголы типа *катить* или *кружить*. Их непереходное употребление даже агентивно: тем самым, оно вряд ли может попасть в зону действия декаузативного показателя, образующего неагентивные глаголы.

4.2. Строй языка

Строй языка обсуждался в качестве фактора лабильности в работе [Кибрик и др. 1977], а также в двух недавних работах [Drossard 1998; Vajda 2005]. Авторы этих работ отмечают склонность к лабильности эргативных языков, однако придают этому фактору разное значение.

Э. Вайда считает, что эргативный строй в целом благоприятен для лабильности. Поскольку субъект переходной и непереходной конструкций маркируются разными падежами, различать переходное и непереходное употребления для носителей становится проще.

Напротив, В. Дроссард полагает, что А-лабильность и Р-лабильность ведут себя по отношению к строю языка противоположным образом. В эргативных языках распространены Р-лабильные глаголы (поскольку для Р-лабильности достаточно опущения агенса переходного глагола), а в аккузативных – А-лабильные (поскольку А-лабильность требует только опущения прямого дополнения). Похожую точку зрения выражают авторы работы [Nichols et al. 2004: 168] (в данной работе рассматривается только Р-лабильность): *the directed types (augmented, reduced) significantly disfavor ergativity while undirected ones (double, auxiliary change, ablaut; suppletion, ambitransitivity, conjugation class change) significantly favor it.*

В действительности ни одно из предсказаний не подтверждается полностью. С одной стороны, предсказание Э. Вайды неточно, поскольку многие языки с аккузативной конструкцией предложения (например, европейские) допускают А-лабильность более свободно, чем эргативные. Тем самым, неверно, что в любом эргативном языке

А- и Р-лабильных глаголов больше, чем в любом аккузативном. Труднее опровергнуть предсказание В. Дроссарда.

В начале изучения лабильности это явление действительно считалось характерным, прежде всего, для эргативных (кавказских) языков. На самом деле эти языки сильно разнятся между собой: наряду с богатыми системами, например, аварской и адыгейской, имеются бедные системы (годоберинский, лезгинский). Следовательно, лабильность нельзя считать характерной для любого эргативного языка¹⁶. Так, в работе [Кибрик и др. 1977: 74–77] убедительно показано, что наличие лабильных глаголов в арчинском языке тесно связано с его эргативностью, но нельзя сказать, что любой язык с эргативной конструкцией имеет развитую лабильность.

С другой стороны, европейские языки аккузативного строя также ведут себя различно: мы уже говорили, что имеются и богатые (французский, немецкий), и средние (болгарский), и бедные системы (польский, чешский).

Соотношение А- и Р-лабильности также различно. К примеру, в эргативном адыгейском языке Р-лабильность распространена больше, а А-лабильность характеризует небольшую группу глаголов «профессиональной деятельности» типа *wəɾɕ'en* 'косить'. Однако это не является непреложным правилом: так, в эргативном южноамериканском языке олутек семьи мише-соке Р-лабильные глаголы явно составляют меньшинство – 43 глагола, по подсчетам [Zavala 2000: 77–81] – тогда как А-лабильных насчитывается 90. В близком языке сан-мигель чималапа той же семьи Р-лабильных глаголов вообще восемь, а опущение объекта – А-лабильность – весьма свободно.

Однако было бы преждевременным считать, что утверждение Дроссарда вообще лишено предсказательной силы. Чтобы его уточнить, напомним, во-первых, что А-лабильность вообще в меньшей мере предсказуема, чем Р-лабильность, поскольку сильно зависит от дискурсивных факторов. Тем самым, утверждение можно переформулировать: «Р-лабильность больше развита в эргативных языках, чем в аккузативных»¹⁷.

Как мы видели, и в таком виде гипотеза неточна: ср., например, французский язык с богатой и годоберинский с бедной системой. Поэтому следует принять во внимание семантический класс лабильных глаголов. Проследим, в каких языках лабильны бывают прототипически переходные глаголы – в особенности глаголы деструкции.

Прежде всего, существуют языки типа лезгинского, где лабильны практически только глаголы с высокой семантической переходностью (*xip* 'ломать, раскалывать', *kip* 'гореть/жечь', *q'in* 'умереть/убить', *qazipin* 'порвать(ся)', *aTip* 'оборвать(ся)', подробнее см. [Haspelmath 1993b]). Лезгинский язык имеет характерный для нахско-дагестанских языков эргативный строй, однако помимо него к этому типу языков относится южноамериканский язык кора с аккузативной конструкцией предложения.

Важно, однако, что в целом в языках, имеющих эргативную конструкцию предложения (по крайней мере, в качестве главного типа), деструктивные глаголы типа 'разбить(ся)' лабильны гораздо чаще, чем в аккузативных. Например, в агульском языке нахско-дагестанской группы или в упоминавшемся южноамериканском языке олутек группы мише-соке они составляют наибольшие подклассы лабильных глаголов.

В адыгейском языке лабильный подкласс выделяется несколько по-другому: к лабильности там тяготеют моментальные предикаты типа *q_wəten* 'разбить(ся)' или *zerəɕ'en* 'сломаť(ся)' – среди них есть и глаголы, не обозначающие деструкцию, например, *zebɣəɾəteq_wən* 'рассыпать(ся)'. Однако понятно, что ядерным подклассом моментального класса являются глаголы деструкции. Л а б и л ь н о с ь б о л ь ш о г о

¹⁶ В данном случае мы говорим о синхронном аспекте проблемы. При этом весьма вероятно, что исторически для эргативных языков – и, в частности, для кавказских – характерна развитая лабильность, тогда как для аккузативных языков, напр., древних языков Европы, это неверно.

¹⁷ Языки активного строя, как кажется, уступают по количеству лабильных глаголов и эргативным и аккузативным, однако следует учесть, что их материал изучен хуже и требует дальнейшего анализа.

Эту тенденцию нетрудно объяснить. Как убедительно показано в работах А.Е. Кибрика [Кибрик 1992], в данных языках отсутствуют или имеют малое значение синтаксические отношения. В применении к таким языкам не слишком полезны понятия субъекта и объекта. Более значимы семантические роли актантов – в частности, гиперроль Фактитива, которую имеют единственный актант непереходного и пациент переходного глагола.

При лабильности предикатов с высокой семантической переходностью два употребления имеют важный общий семантический компонент: оба они обозначают существенные изменения, происходящие с Фактитивом. При предикатах с низкой семантической переходностью данный участник ситуации не столь значим. Тем самым, в эргативных языках при лабильности глаголов типа ‘разбить’ тенденция языка к выделению Фактитива соответствует семантике глаголов, также выделяющих его.

Тот факт, что в аккузативных языках Р-лабильность характерна для глаголов с низкой семантической переходностью, также легко объяснить. Это связано с тем, что у таких глаголов объект переходного употребления (= субъект непереходного употребления) ближе по свойствам к субъекту переходного употребления, нежели у глаголов с сильной переходностью. Тем самым, два употребления сближаются по свойствам субъектов – а для аккузативных языков, в особенности языков среднеевропейского стандарта, особенную роль играет участник с синтаксическим статусом субъекта.

4.3. Степень развитости продропа (опущения местоимений-актантов)

В упомянутом выше докладе Э. Вайды одним из факторов лабильности считается то, насколько в данном языке допускается продроп – опущение референтного местоименного актанта (например, в английском языке продроп практически невозможен, а в латинском очень развит). Считается, что вероятность развитой лабильности возрастает, если, так сказать, конкурирующий тип немаркированного преобразования – продроп – не развит.

К этому утверждению можно подобрать довольно много контрпримеров. Так, в адыгейском языке сильно развиты и продроп, и лабильность; более того, этот язык морфологически различает переходные и непереходные глаголы. Следовательно, переходный глагол с опущением актанта, как в (36), и непереходный глагол, как в (37), различаются морфологически, и омонимии типа ‘он разбил чашку’/‘чашка разбилась’ не возникает:

Адыгейский:

(36) čaške ə-qwəta-в
чашка 3SG.A-разбить-PST
‘Он разбил чашку’;

(37) čaške qwəta-ве
чашка разбиться-PST
‘Чашка разбилась’.

Приведем другие примеры. В болгарском языке лабильность развита не меньше, чем в русском, однако и продроп развит сильнее:

Болгарский:

(38) Много пуши ‘Он много курит’;

(39) ??? Много курит.

В арабском языке продроп развит явно сильнее, чем в тюркских: в нормальном случае местоименное подлежащее не выражается. В то же время и лабильность развита явно сильнее (как было показано выше, это связано с особенностями арабской и тюркской системы дериваций).

Заметим, что продроп и лабильность противоположным образом связаны с системой морфологических показателей. Продроп, как считается, например, в [Rizzi 1986], возникает, когда подлежащее или другой аргумент вычисляется исходя из системы показателей согласования, то есть, прежде всего, в системах с богатым согласованием и вообще с развитым словоизменением.

Напротив, лабильность связана, прежде всего, с показателями деривации. Она возникает, либо когда в системе показателей имеются лакуны (например, в английском языке нет показателя декаузатива), либо когда показатели слабо грамматикализованы, как в германских. Тем самым, лабильность часто тяготеет скорее к языкам с бедной, чем с богатой морфологией.

Тем самым, продроп и лабильность в частных случаях могут действительно исключать друг друга – но не прямо, а косвенно, поскольку развиты в языках разных типов. Однако и возникновение случаев типа адыгейского вполне объяснимо: в адыгейском, с одной стороны, развито глагольное согласование (см. [Baker 1986] о согласовании в полисинтетических языках), а с другой, отсутствуют продуктивные маркеры понижающей деривации, в частности, декаузатива, что благоприятствует лабильности.

4.4. Выводы

Проанализировав три возможных фактора распространения лабильности, можно сделать следующие выводы. Распространение продропа, по-видимому, прямо не связано с количеством лабильных глаголов.

Другие два фактора – строй языка и система морфологических показателей – связаны с ним. Однако нужно сделать уточнения. Строй языка обуславливает скорее не объем класса лабильных глаголов, а его состав: для эргативных языков в большей мере, чем для аккумулятивных, характерна лабильность предикатов с высокой семантической переходностью, в частности, деструктивных глаголов. В случае с морфологическими показателями роль играет не только их состав, но и степень их грамматикализации, обратно пропорциональная объему класса лабильных лексем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в данной работе мы привели возможные параметры типологии лабильных глаголов. Как было показано, их класс никак нельзя назвать однородным: они различаются и синтаксически, и семантически. Важно, что широко принятое понимание лабильного глагола как допускающего переходные и непереходные употребления неточно: близкие к лабильности явления могут затрагивать глаголы, имеющие несколько переходных или несколько непереходных употреблений.

Лабильность не ограничивается инхоативно-каузативными парами. Из их частотности, требующей дополнительного объяснения, не следует отсутствие других типов пар. В частности, интересно, что встречаются, хотя и редки, пассивно-лабильные глаголы, запрещаемые теорией [Haspelmath 1993a].

Еще одна часто допускаемая неточность – понимание лабильности как немаркированного аналога актантной деривации. В действительности лабильность – это не средство маркировать деривацию, а способ объединить в одном глаголе два близких смысла или синтаксических модели (см. близкую точку зрения в [Dixon 2000]). Тип этой близости может быть различным.

Именно с объединяющей функцией лабильности связано ее частое сосуществование с маркерами деривации при одной и той же лексеме. В объяснении нуждаются как раз случаи вытеснения маркера деривации лабильностью. И, как мы показа-

ли, иногда эти случаи связаны не с прямой конкуренцией, а со свойствами лабильности и – отдельно – маркеров деривации. Однако есть и случаи, когда запрет на маркирование деривации, как в немецком языке при глаголе *brechen* (см. 4.1), свидетельствует о вытеснении лабильностью, приобретающей характер грамматического явления, показателя деривации.

Зависимость лабильности от свойств грамматической системы не стопроцентна, однако можно сформулировать ряд тенденций:

- Большие системы с преобладанием глаголов с высокой семантической переходностью встречаются в эргативных языках¹⁸. Однако большие системы, включающие глаголы с низкой семантической переходностью, не менее характерны для аккумулятивных языков, чем для эргативных.
- Лабильность связана не только с системой дериваций, но и со свойствами конкретных маркеров. Большая грамматикализация маркеров деривации обычно предполагает меньшее число лабильных глаголов. При меньшей грамматикализации (автономные лексические показатели и/или непродуктивные показатели словообразовательного типа) возрастает число лабильных глаголов.
- Количество лабильных глаголов часто возрастает, если язык имеет дополнительные средства разграничения переходного и непереходного употреблений (например, различные «переходный» и «непереходный» типы спряжения).

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо	LOC – локативные показатели
A – агентивный показатель	M – мужской род
ABS – абсолютив	NEG – отрицание
ACC – аккумулятив	PART – причастие
CAUS – каузатив	PASS – пассив
DAT – датив	PL – множественное число
DEF – определенный артикль	POSS – посессивный показатель
DIR – директив	PP – послелог
ERG – эргатив	PRS – настоящее время
F – женский род	PST – прошедшее время
FOC – показатель фокуса	REL – показатель относительного придаточного
GEN – генитив	SG – единственное число
INCOMPL – инкомплетив	COMPL – комплетив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев, Летучий 2007 – П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке // С.С. Сай, А.Ф. Выдрин и др. (ред.). Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2007.
- Бокарев 1949 – А.А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М.; Л., 1949.
- Вейсман 1889 – А.Д. Вейсман. Древнегреческий словарь. Петербург, 1889.
- Гаврилова 2001 – В.И. Гаврилова. Пассивные и квазипассивные конструкции русского языка. 2001. (рукопись).
- Гецадзе и др. 1969 – И.А. Гецадзе, В.П. Недялков, А.А. Холодович. Морфологический каузатив в грузинском языке // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л., 1969.

¹⁸ В то же время вопрос связи лабильности со строем языка заслуживает дополнительного изучения в связи с отмеченной многими исследователями разнородностью класса эргативных языков.

- Имнайшвили 1963 – Д.С. Имнайшвили. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.
- Инэнликэй, Недялков 1967 – П.И. Инэнликэй, В.П. Недялков. Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / Отв. ред. В.М. Жирмунский. Л., 1967.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик и др. 1977 – А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова, Д.С. Самедов. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика. Фонетика. М., 1977.
- Кибрик и др. 2000 – А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева. Язык и фольклор алыторцев. М., 2000.
- Кибрик (ред.) 2001 – А.Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.
- Климов, Алексеев 1980 – Г.А. Климов, М.Е. Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980.
- Летучий 2005 – А.Б. Летучий. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // ВЯ. 2005. № 4.
- Летучий 2006а – А.Б. Летучий. Лабильность в русском языке: случайность или закономерность? // Сб. трудов конф. «Диалог-2006». М., 2006.
- Летучий 2006б – А.Б. Летучий. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Летучий (в печати) – А.Б. Летучий. Каузатив, декаузатив и лабильность в адыгейском языке // Синтаксис полисинтетического языка. (В печати).
- Лютикова 2002 – Е.В. Лютикова. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.
- Лютикова и др. 2006 – Е.А. Лютикова, С.Г. Татевосов, М.Ю. Иванов, А.Г. Пазельская, А.Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- Мельчук 1995 – И.А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М., 1995.
- Недялков, Сильницкий 1969 – В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
- Полинская 1986 – М.С. Полинская. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Рогав, Керашева 1966 – Г.В. Рогав, З.И. Керашева. Грамматика адыгейского литературного языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Чикобава 1942 – А.С. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции // Известия ИЯИМК. XII. Тбилиси, 1942 (на грузинском языке).
- Щека 1999 – Ю.В. Щека. Интенсивный курс турецкого языка. М., 1999.
- Aikhenvald, Dixon 1999 – A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon. Other small families and isolates // A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). The Amazonian languages. Cambridge, 1999.
- Al-Kadari 1995 – A. Al-Kadari. Transitivity in Bible Hebrew. Tel-Aviv, 1995 (на иврите).
- Baker 1986 – M.C. Baker. The polysynthesis parameter. Oxford, 1986.
- Bok-Bennema 1991 – R. Bok-Bennema. Case and agreement in Inuit. Dordrecht, 1991.
- Campbell 1985 – L. Campbell. The Pipil language. Berlin, 1985.
- Chaker 1983 – S. Chaker. Un parler berbère d'Algérie (kabylië). Paris, 1983.
- Cornips, Hulk 1996 – I. Cornips, A. Hulk. Ergative reflexives in Heerlen Dutch and French // Studia linguistica. 50, 1. 1996.
- Căluianu 2000 – D. Căluianu. Emotion verbs in Romanian // R. Kikusawa, K. Sasaki (eds.). Modern approaches to transitivity. Tokyo, 2000.
- Daniel et al. (в печати) – M.A. Daniel, T.A. Maisak, S.R. Merdanova. Causatives in Agul // B. Comrie, V. Solovyev, P. Suihkonen (eds.). Selected Proceedings of the International Symposium on the typology of argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA-2). Amsterdam, (в печати).
- Dixon 1988 – R.M.W. Dixon. A grammar of Boumaa Fijian. Chicago, 1988.
- Dixon 2000 – R.M.W. Dixon. A typology of causatives: form, syntax and meaning // A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (eds.). Changing valency. Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.

- Drossard 1998 – W. Drossard. Labile Konstruktionen // L.I. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.
- Geniušienė 1987 – E. Geniušienė. The typology of reflexives. Berlin; New York; Amsterdam, 1987.
- Greimas 2001 – A.J. Greimas. Dictionnaire de l'ancien français. Paris, 2001.
- Greimas 1992 – A.J. Greimas. Dictionnaire du moyen français. Paris, 1992.
- Grimshaw 1990 – J. Grimshaw. Argument structure. Cambridge (Mass.), 1990.
- Guirardello 1999 – R. Guirardello. A reference grammar of Trumai. Houston, 1999.
- Haspelmath 1993a – M. Haspelmath. More on typology of inchoative/causative alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds). Causatives and transitivity. Amsterdam, 1993.
- Haspelmath 1993b – M. Haspelmath. A grammar of Lezgian. Berlin, 1993.
- Hopper, Thompson 1980 – P. Hopper, S. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language. V. 56. 1980. № 2.
- Kemmer 1993 – S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Kibrik 1996 – A.A. Kibrik. Transitivity in Godoberi // A.E. Kibrik (ed.). Studies in Godoberi. München, 1996.
- Kirtchuk 1989 – P. Kirtchuk. Classes de verbes en Hébreu (biblique et contemporain): Etude morpho-syntaxique et sémantique // Actances. 4. 1989.
- Kulikov 1998 – L.I. Kulikov. Passive, anticausative and classification of verbs. The case of Vedic // L.I. Kulikov, H. Vater (eds.). Typology of verbal categories. Papers presented to V.P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday. Tübingen, 1998.
- Moyse-Faurie 1995 – C. Moyse-Faurie. Le xârâcùù, langue de Thio-Canala (Nouvelle-Calédonie). Eléments de syntaxe // SELAF. № 355. Paris, 1995.
- Næss 2007 – Å. Næss. Prototypical transitivity // Typological studies in language. 72. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Nedjalkov 2007 – V.P. Nedjalkov. Overview of the research. Definitions of terms, framework, and related issues // V.P. Nedjalkov et al. (eds.). Reciprocal constructions. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Nichols et al. 2004 – J. Nichols, D.A. Peterson, J. Barnes. Transitivity and detransitivizing languages // Linguistic typology. V. 8. 2004.
- Press 1980 – M.R. Press. Chemehuevi. A grammar and lexicon. Berkeley, 1980.
- Pylkkänen 2002 – L. Pylkkänen. Introducing arguments. Cambridge (Mass.), 2002.
- Rizzi 1986 – L. Rizzi. Null objects in Italian and the Theory of pro // Linguistic inquiry. V. 15. 1986.
- Sumbatova, Mutalov 2003 – N.R. Sumbatova, R.O. Mutalov. A grammar of Icarí Dargwa. München, 2003.
- Vajda 2005 – E. Vajda. Active alignment and morphological transitivity. Paper given on the conference «Typology of active/stative languages». Leipzig, 2005.
- Vydrine 1994 – V.F. Vydrine. Verbes réfléchis bambara // Mandenkan. № 28. 1994.
- Zavala 2000 – R. Zavala. Inversion and other topics in the grammar of Olutec (Mixean). PhD diss. University of Oregon. 2000.